

Programme

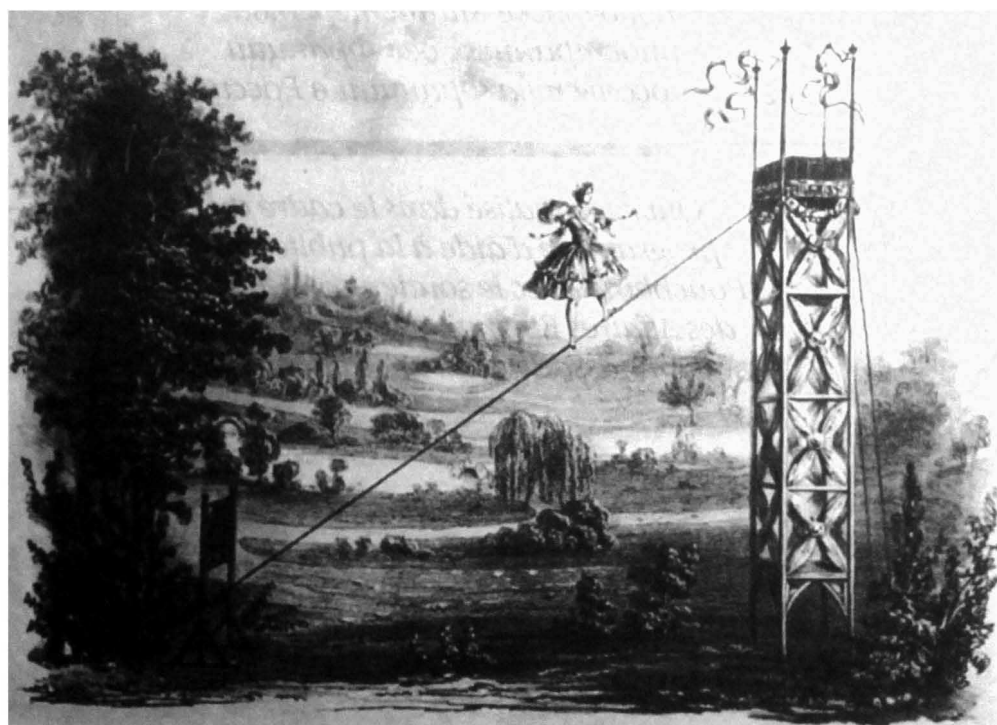
Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках
программы "Пушкин" при
поддержке Министерства
иностраннных дел Франции
и посольства Франции в России.*

*Ouvrage réalisé dans le cadre du
programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère
des Affaires Etrangères Français et de
l'Ambassade de France en Russie.*

Жан Старобинский

ПОЭЗИЯ

ТОМ 1

ЗНАНИЕ

история литературы и культуры

Составитель, ответственный редактор
и автор предисловия *С. Н. Зенкин*

Перевод с французского

Е. П. Васильевой

Б. В. Дубина

С. Н. Зенкина

В. А. Мильчиной

М. С. Неклюдовой

Т. И. Смоляровой

П. П. Шкаренкова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 63.3(4Фра)5-3

С 77

Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society Institute
within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н. С. Автономова, Т. А. Алексеева, М. Л. Андреев, В. И. Бахмин, М. А. Веденяпина, Е. Ю. Гениева, Ю. А. Кимелев, А. Я. Ливергант, Б. Г. Капустин, Ф. Пинтер, А. В. Полетаев, И. М. Савельева, Л. П. Репина, А. М. Руткевич, А. Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Издание осуществлено при поддержке *Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)* проект 02-04-16123

Перевод сделан при поддержке фонда «PRO HELVETIA» (Швейцария)

Старобинский Ж.

С 77

Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1
/ Пер. с фр. Е. П. Васильевой, Б. В. Дубина, С. Н. Зенкина,
В. А. Мильчиной, М. С. Неклюдовой, Т. И. Смоляровой,
П. П. Шкаренкова; Сост., отв. ред. и авт. предисл.
С. Н. Зенкин. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
– (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-94457-002-4

Жан Старобинский (род. 1920) – всемирно известный швейцарский филолог и историк культуры, профессор Женевского университета. Его обширное научное творчество, посвященное истории западноевропейской (преимущественно французской) культуры XVI–XX веков, отражает в себе методологические поиски, которыми богата вторая половина двадцатого столетия.

В настоящий двухтомник вошли избранные статьи Жана Старобинского, составившие первый том, а также три его книги – «Монтень в движении» (1983), «1789 год: Эмблематика разума» (1973) и «Портрет художника в образе паяца» (1970), включенные в том второй.

Издание адресуется филологам, искусствоведам, историкам культуры.

ББК 63.3(4Фра)5-3

*На переплете: фрагмент статуи Л. Бернини
«Экстаз святой Терезы». Мрамор. 1645–1652 гг.*

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

- © Е. П. Васильева, Б. В. Дубин, С. Н. Зенкин,
В. А. Мильчина, М. С. Неклюдова, Т. И. Смолярова,
П. П. Шкаренков. Перевод на рус. яз., 2002
- © С. Н. Зенкин. Предисловие, 2002
- © L'Age d'Homme, Lausanne, 1989
- © Gallimard, 1961; Gallimard, 1970; Gallimard, 1971
Gallimard, 1989

Содержание

<i>С. Зенкин. О Жане Старобинском</i>	7
Предисловие к русскому изданию. <i>Перевод С. Зенкина</i>	17
Отношение критики. <i>Перевод С. Зенкина</i>	19
Психоанализ и познание литературы. <i>Перевод П. Шкаренкова</i>	49
К понятию воображения: вехи истории. <i>Перевод Б. Дубина</i>	69
«Мифы» и «мифология» в XVII—XVIII веках. <i>Перевод С. Зенкина</i>	85
Слово «цивилизация». <i>Перевод С. Зенкина</i>	110
О лести. <i>Перевод Т. Смоляровой</i>	150
О Корнеле. <i>Перевод М. Неклюдовой</i>	177
Поэтика взгляда у Расина. <i>Перевод М. Неклюдовой</i>	204
Интерпретатор: движение к успеху. <i>Перевод В. Мильчиной</i>	217
Руссо и поиски истоков. <i>Перевод В. Мильчиной</i>	278
Руссо и истоки языка. <i>Перевод В. Мильчиной</i>	289
Критика и принцип авторитета: От Руссо до Жермены де Сталь. <i>Перевод Е. Васильевой</i>	314
Госпожа де Сталь: страсть и литература. <i>Перевод Е. Васильевой</i>	334
Ирония и меланхолия (I): Театр Карло Гоцци. <i>Перевод Б. Дубина</i>	357
Ирония и меланхолия (II): «Принцесса Брамбилла» Э.-Т.-А. Гофмана. <i>Перевод Б. Дубина</i>	376

Псевдонимы Стендаля. <i>Перевод П. Шкаренкова</i>	395
Шкала температур: Язык тела в «Госпоже Бовари». <i>Перевод С. Зенкина</i>	432
Об обращении персонажей и вещей в «Le Nozze di Figaro». <i>Перевод М. Неклюдовой</i>	464
Приложение. Отношение критики [Версия 1967 года]. <i>Перевод С. Зенкина</i>	478

О Жане Старобинском

Подобно одному из главных героев своих исследований, Жан-Жаку Руссо, Жан Старобинский — гражданин Женевы. Но, в отличие от странника и изгнанника Руссо, он почти всю долгую жизнь прожил в своем родном космополитическом городе на скрещении границ Европы, практически на одном и том же месте — в пятидесяти метрах (через двор) от дома, где родился, в пятидесяти метрах (через улицу) от университета, где учился, а затем сам преподавал, в старом доме, у дверей которого висит табличка с его фамилией... только в данном случае это фамилия его жены, практикующего офтальмолога, которая в том же подъезде держит свой врачебный кабинет.

Он и сам выходец из медицинской среды — родился в 1920 году, а за несколько лет до того его отец приехал в Женеву из Варшавы учиться на врача; медицина занимала важное место и в карьере самого будущего филолога. В годы Второй мировой войны, когда Швейцария оставалась ненадежным островком безопасности в окружении стран, где господствовали фашистские режимы (для Жана Старобинского, сына еврейских эмигрантов, получившего швейцарское гражданство лишь после войны, в 1948 году, это было особенно беспокойное положение), он последовательно изучал в Женевском университете литературу и медицину, а в дальнейшем несколько лет работал в клиниках Женевы и Лозанны. Первая его докторская диссертация, литературная (1956), была посвящена Жан-Жаку Руссо, а вторая, медицинская (1960), называлась «История лечения меланхолии».

С медицинской практикой Старобинский окончательно расстался лишь в 1958 году, получив пост профессора истории идей (а с 1964-го — также и французской литературы) в Женевском университете. С тех пор он выпустил около двадцати книг по истории европейской — преимущественно французской и романско-швейцарской — литературы и культуры XVI—XX веков. Его приглашали самые знаменитые мировые университеты, ему присуждали престижные премии, его избрали член-корреспондентом французской Академии морально-политических наук. Сегодня он — живой классик филологической и историко-культурной науки, образец трудолюбивого, необыкновенно эрудированного и широко мыслящего ученого-гуманитария. Он пишет не только об истории литературы и искусства, но и о современной поэзии, изобразительном искусстве, оперной музыке.

Не хотелось бы упрощать дело, но вторая, врачебная специальность Старобинского сама собой приходит на ум, когда задаешься вопросом, как он занимается своей основной, литературной профессией, которую по французской традиции предпочитает называть не *études littéraires* — калькой с немецкого *Literaturwissenschaft*, «литературоведение», — а *critique*, «критика». Дело не только и даже не столько в особом интересе ученого к телесной тематике в литературе, сколько именно в методах, которые он применяет при анализе литературы. Подобно врачу, он рассматривает свою деятельность скорее как искусство, чем как науку (другое дело, что это искусство *вооружено* многообразными достижениями гуманитарных наук). В соответствии с медицинской традицией он концентрирует внимание на индивидуальном «случае» — писателе, тексте, мотиве-«симптоме», воздерживаясь от глобальных обобщений. Как и в медицинской практике, он мыслит работу толкователя культуры в виде «отношения» — уникально-межличностного взаимодействия субъекта с объектом¹; оно с необходимостью выделяется в сознании самых сосредоточенных на себе писателей («отношение с другими» у Монтеня), и утрата этого непосредственного «отношения критики» заводит в тупик даже самую технически изощренную литературно-критическую деятельность. Наконец, подобно тому как медицина стремится найти и активизировать в организме пациента внутренние ресурсы для борьбы с болезнью, так и он стремится найти в самом литературном тексте познавательные средства, метаязык для его описания. Все эти принципы присущи не только медицинскому искусству, но и искусству филологической герменевтики.

Научная деятельность Старобинского 50-х годов связана с так называемой Женевской школой тематической критики, участниками которой были также Жорж Пуле и Жан Руссе и которая предприняла попытку обновить практику французской историко-литературной науки². Характерно, что среди трудов Старобинского совсем мало (за одним важным исключением, которое будет упомянуто ниже) публикаторских работ, архивных изысканий: Женевская школа стремилась не столько расширить фактический материал исследований, сколько выработать метод углубленной интерпретации текстов, объясняя их через систему авторского мировосприятия. Такой метод называют также «феноменологическим» — в том смысле, что он, следуя известному мыслительному приему Гус-

¹ По-французски тут не *garport*, то есть «соотнесенность» мертвых, вообще говоря, объектов или понятий, а *relation* — личностное «отношение», в котором участвует живой, экзистенциально ответственный субъект.

² Об отношениях Ж. Старобинского с тематической критикой см. статью в материалах посвященного ему юбилейного colloquium 2000 года: Michel Collot, «Jean Starobinski et la critique thématique», in *Starobinski en mouvement*, Seyssel, Champ Vallon, 2001, p. 51—58.

серля, «заклучает в скобки» внешние, например биографические, обстоятельства, которые сопутствовали возникновению произведения, и «вместо этого стремится к всецело «имманентному» прочтению текста [...] сведенного к чистому воплощению авторского сознания»¹.

Важнейшей опорой для реконструируемого таким образом «авторского сознания» становятся «непосредственные очевидности тела». Старобинский рассматривает телесную жизнь писателя или литературного героя не внешним, объективным взглядом натуралиста, а обращаясь к тому, каким образом переживали и осмысливали тело сами люди изучаемой культуры — в частности, писатели. Так построен подробный разбор «телесной» тематики в «Опытах» Монтеня, тот же пафос отличает и многочисленные работы Старобинского о меланхолии, которую на протяжении веков трактовали как телесный, гуморальный недуг; сюда же относится и большая статья о «языке тела» в «Госпоже Бовари» Флобера, которая начинается с анализа кинестезических переживаний героев романа, а заканчивается воссозданием телесного самоощущения, явствующего из переписки самого романиста. Тематика (само)воспринимающего тела господствует и в ранних статьях критика о феноменологии взгляда у Корнеля и Расина, о масках-псевдонимах Стендаля, ею определяется основная психическая оппозиция, из которой выводится вся мысль, творчество, жизненное поведение Жан-Жака Руссо, — «прозрачность и преграда»². Старобинский одним из первых ученых столь широко и серьезно поставил в конкретных историко-культурных исследованиях модную сегодня проблему «тела в культуре»; опорой ему служил феноменологический метод, усвоенный главным образом через французских последователей Гуссерля — Жан-Поля Сартра, чьи ранние философские работы он нередко цитирует, и Мориса Мерло-Понти, с которым он сам был знаком лично.

Очевидно, именно потому, что телесный опыт писателей или художников всегда у него «интеллектуализирован», введен в контекст опыта экзистенциального, чувственного и морального, Старобинский сдержанно оценивает столь influentialный метод толкования культурных фактов через телесные причины, как психоанализ. В его специальной статье «Психоанализ и познание литературы» фрейдовский психоанализ подвергнут оригинальной (особенно для начала 60-х годов, когда это писалось) исторической критике, выявляющей в нем литератур-

¹ Terry Eagleton, *Literary Theory*, 2nd edition, Oxford, Blackwell, 1996, p. 51.

² Jean Starobinski, *Jean-Jacques Rousseau. La transparence et l'obstacle*, Paris, Plon, 1957. В молодости Старобинский задумывал грандиозный обобщающий труд о феноменах видимости и сути в мировой культуре, который, как он рассказывает в телевизионной беседе с Гийомом Шеневьером (2000), должен был сближаться с работами Роже Кайуа о сакральном, с «Любовью в западной цивилизации» Дени де Ружмона, с циклом книг Гастона Башляра о «субстанциальном психоанализе» стихий.

ные, художественные мотивы и мыслительные схемы. Такая эстетическая а не только медицинская «наследственность» подрывает претензии фрейдизма на научное объяснение культуры, но ею же определяются возможности законного, собственно *критического* во всех смыслах слова применения его категорий и схем: восходящие к мотивам художественной литературы, порой прямо заимствованные из нее (как «эдипов комплекс» из трагедии Софокла), они приложимы к движению культуры именно постольку, поскольку не притязают на научную объективность. Психоаналитический инструментарий нередко используется в работах Старобинского, но всякий раз как бы в кавычках, метафорически, «литературно»; термины Фрейда и его последователей вводятся с дистанцирующими оговорками: «как выразились бы в наши дни...» Зато метафорический характер этих терминов и схем позволяет иногда эффектно прилагать их к описанию очень общих, отнюдь не индивидуально-психологических процессов: так, в книге Старобинского «1789 год: Эмблематика разума» (особенно в ее последней главе, об опере Моцарта «Волшебная флейта») попытка культуры Просвещения всецело рационализировать человеческий мир, изгнать из него всякое темное, иррациональное начало приводит — точь-в-точь по фрейдовскому закону «возвращения вытесненного» — к тому, что темное, демоническое начало начинает проявляться в самой демиургической деятельности революционеров-преобразователей...

Драматический переход от позднего Просвещения к эпохе романтизма — то есть рубеж так называемой «современности» — вообще является центральным и постоянным предметом литературо- и искусствоведческих занятий Жана Старобинского¹. Помимо прочего, именно в этот период, как он показывает, образовалась *критика* в своем нынешнем виде, искусство свободной интерпретации, сделавшее само себя своим «принципом авторитета». И здесь объяснительные средства вновь черпаются из интеллектуального репертуара эпохи: именно в переломную пору рубежа XVIII—XIX веков работал Гегель, любимый философ Жана Старобинского. Далекий от свойственного многим филологам недоверия к абстрактной мысли, ученый в разных своих работах часто ссылается на гегелевскую «Феноменологию духа», которая в его молодые годы активно комментировалась западноевропейскими философами (А. Кожевым, Ж. Ипполитом и др.), и в творчестве самых разных писателей он постоянно выделяет глубокую, порой парадоксальную диалектическую логику. Так, в философских сочинениях Руссо трехчленная логическая модель «лекарства в самом недуге»² — 1) исходное «природное» состояние человека, 2) его порча в ходе развития цивилизации, 3) чаемое

¹ См.: Jean Starobinski, *L'Invention de la liberté*, Genève, Skira, 1964.

² Название одной из книг критика: Jean Starobinski, *Le remède dans le mal*, Paris, Gallimard, 1989.